

Бертольд Брехт Плащ еретика

Джордано Бруно родом из Нолы, которого римская инквизиция в 1600 году приговорила к сожжению на костре как еретика, почитается всеми великим человеком не только за его смелые, впоследствии подтвердившиеся гипотезы о движении небесных тел, но и за его мужественный отпор судьям инквизиции, которым он сказал: "Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я его выслушиваю". Достаточно прочесть книги Бруно и познакомиться с рассказами о его выступлениях на ученых диспутах, чтобы понять, сколь заслуженно его называют великим; но сохранилось одно предание, которое, быть может, задавит нас уважать его еще больше.

Это история о его плаще.

Расскажем о том, как Бруно попал в руки инквизиции.

Некий Мочениго, венецианский патриций, пригласил ученого к себе в дом, чтобы тот посвятил его в тайны физики и мнемоники. Несколько месяцев Бруно жил и кормился у него, давая взамен уроки, но вместо искусства черной магии, которым Мочениго надеялся овладеть, он преподавал ему только физику. Мочениго был весьма недоволен, так как не видел в этих занятиях никакого проку. Ему досаждала мысль о том, что он зря потратился на своего гостя. Неоднократно призывал он его поделиться наконец теми знаниями, тайными и прибыльными, коими должен был. Несомненно, обладать человек, столь знаменитый. Когда же это не помогло, он донес на Бруно инквизиции. Он написал, что этот недостойный, неблагодарный человек хулил в его присутствии Христа, называл монахов ослами, говорил что они дурачат народ, а кроме того, утверждал, будто есть не одно солнце, как сказано в библии, а бесконечное множество солнц и так далее и так далее.

А посему он, Мочениго, запер этого человека у себя на чердаке и просит как можно скорее прислать за ним стражу, чтобы увести его.

И действительно, в ночь с воскресенья на понедельник явилась стража и отвела ученого в тюрьму инквизиции.

Это случилось в понедельник 25 мая 1592 года, в три часа утра. И с того дня и до 17 февраля 1600 года, когда он взошел на костер; ноланец оставался в заточении.

Восемь лет тянулся ужасный процесс, и Бруно мужественно боролся за свою жизнь, однако самой отчаянной была борьба, которую он вел первый год в Венеции против выдачи его Риму.

На это время и приходится история с его плащом.

Зимой 1592 года, еще живя в гостинице, он сшил себе у портного Габриэля Цунто теплый плащ. Когда Бруно арестовали, он не успел еще расплатиться за него.

При известии об аресте своего заказчика портной бросился к дому господина Мочениго в приходе св. Самуила, чтобы предъявить свой счет. Но было уже поздно. Слуга Мочениго указал ему на дверь.

- Мы достаточно потратились на этого обманщика, - орал он, стоя на пороге, да так громко, что прохожие начали оборачиваться. - Ступайте-ка в священный трибунал и расскажите там, что у вас были дела с этим еретиком.

Портной стоял ни жив ни мертв. Привлеченная криком толпа уличных мальчишек окружила его, и какой-то изукрашенный болячками оборвыш запустил в него камнем. И хотя из соседнего дома выбежала бедно одетая женщина и наградила мальчишку оплеухой, однако старик сразу же понял, как опасно оказаться тем, у кого "были дела с этим еретиком". Пугливо оглядываясь, он свернул за угол и побежал задом к себе домой. Жене он ничего не сказал о своей неудаче, и она всю неделю дивилась его подавленному виду.

Однако первого июня, выписывая счета, она обнаружила, что один плащ не оплачен -- и как раз тем человеком, чье имя было у всех на устах, ибо о ноланце говорил весь город. Повсюду передавались самые ужасающие слухи. Он-де не только в своих книгах поносил

таинство брака, во и самого Христа обзывал шарлатаном и невесть что говорил о солнце.

Неудивительно, что такой- человек не заплатил за плащ. Однако добрая женщина не хотела терпеть убытки.

Поскандалив с мужем, семидесятилетняя старуха облачилась в праздничное платье и отправилась в священный трибунал, где сердито потребовала, чтобы ей вернули тридцать два скудо, которые задолжал им арестованный еретик.

Чиновник, с которым она говорила, записал ее жалобу и обещал разобраться. Вскоре Цунто получил вызов и, трясясь от страха, отправился в это ужасное место. К его изумлению, его не стали допрашивать, а лишь уведомили, что, когда займутся денежными делами заключенного, будет принято во внимание и это требование. Впрочем, чиновник дал ему понять, что вряд ли можно рассчитывать на значительную сумму.

Старик был счастлив, что легко отделался, и только униженно благодарил. Однако жена его не унималась.

Чтобы покрыть убыток, недостаточно ее мужу отказывать себе в вечернем стаканчике вина и просиживать за работой до глубокой ночи. Они задолжали за сукно, а торговец не станет ждать. Старуха кричала в кухне и на дворе, что просто стыд и срам сажать преступника в тюрьму прежде, чем он расплатился с долгами. Чтобы получить свои тридцать два скудо, она, если потребуется, и до святейшего отца В Риме дойдет. "На костре еретику плат не понадобится", кричала она.

Она рассказала про их беду своему исповеднику. Исповедник советовал ей потребовать, чтобы им по крайней мере возвратили плащ. Обрадовавшись, что даже церковь вынуждена признать справедливость ее притязаний, старуха заявила, что не удовольствуется плащом, он, верно, уже надет, а кроме того, сшит по мерке. Она хочет получить наличными. Но так как в своем рвении она повысила голос, священник попросту прогнал ее. Это немного вразумило старуху, и на несколько недель она угомонилась.

Между тем из стен инквизиции никаких новых слухов о деле арестованного еретика больше не просачивалось. Однако повсюду шептались о том, что на допросах открылись ужасающие преступления. Старуха жадно прислушивалась к этим сплетням. Для нее было пыткой узнавать, что дела еретика обстоят так плохо. Никогда он не выйдет на свободу и не расплатится с долгами. Она потеряла сон, и в августе, когда жара окончательно доконала ее нервы, весьма красноречиво стала изливать свои горести в лавках, где делала покупки, а также заказчикам на примерке.

Старуха намекала, что святые отцы совершают грех, столь равнодушно отклоняя справедливые требования мелкого ремесленника. И это при нынешних налогах и когда хлеб опять подорожал.

Однажды в полдень страж инквизиции отвел ее в священный трибунал. Здесь ей настоятельно посоветовали прекратить вредную болтовню. Не стыдно ли, сказали ей, из-за каких-то несчастных скудо вести безответственные речи о таком важном процессе. Вместе с тем ей дали понять, что она рискует нажить себе немало неприятностей.

На некоторое время предостережение помогло, хотя при мысли о "несчастных скудо", которыми попрекнул ее этот раскормленный монах, вся кровь бросалась ей в голову.

Но в сентябре заговорили о том, что Великий инквизитор в Риме требует выдачи ноланца и что с Синьорией ведутся переговоры. Горожане оживленно обсуждали требование о выдаче, и все были возмущены. Цехи не желали покориться римскому суду.

Старуха была вне себя. Неужто еретика отпустят в Рим прежде, чем он уплатит свои долги? Этого еще не хватало! Едва она услышала эту невероятную весть, как тотчас же, не дав себе даже времени надеть юбку получше, помчалась в здание священного трибунала.

На этот раз она была принята чиновником поважнее и, как ни странно, более предупредительным, чем все, с кем она имела дело раньше. Он был почти ее ровесник и выслушал ее жалобы спокойной внимательностью. Когда она кончила, он после небольшой паузы спросил, не хочет ли она поговорить с Бруно.

Она тотчас же согласилась. Свидание было назначено на следующий день.

Назавтра в тесной камере с решетками на окнах ее встретил маленький худой человек с реденькой темной бородкой и вежливо спросил что ей угодно.

Она видела его раньше на примерке и все время помнила, но сейчас не узнала. Очевидно, это допросы так изменили его.

Она сказала торопливо:

- Плащ. Вы же не заплатили за него.

Несколько секунд он смотрел на нее с удивлением. Потом вспомнил и спросил тихим голосом:

- Сколько я вам должен?

- Тридцать два скудо,- сказала она,- ведь вы получили счет.

Он повернулся к высокому толстому чиновнику, присутствовавшему при свидании, и спросил, известно ли ему, какие деньги были сданы в священное судилище вместе с его вещами. Тот не знал, но обещал выяснить.

- Как поживает ваш муж?-спросил узник, снова обращаясь к старухе, как будто дело уже улажено и теперь вступают в силу нормальные отношения хозяина с гостьей.

Старуха, смущенная приветливостью этого щедедушного человека, пробормотала, что все в порядке. Муж здоров, сказала она и даже добавила что-то про его ревматизм.

Считай, что учтивость требует дать заказчику время для выяснения вопроса, она только два дня спустя снова отправилась в священный трибунал.

И действительно, ей еще раз было разрешено поговорить с Бруно. Она прождала его в маленькой комнатке с решетчатыми окнами более часу, так как он был на допросе.

Он пришел и казался очень измученным. Так как в комнате не было стула, он слегка прислонился к стене. Тем не менее, он сейчас же заговорил о деле.

Он сказал ей очень слабым голосом, что, к сожалению, не может заплатить за плащ. Среди его вещей денег не оказалось. Но не все еще потеряно: подумав, он вспомнил, что с одного человека, который издавал его книги в городе Франкфурте, ему еще причитаются деньги. Он напишет во Франкфурт, если только ему разрешат. Он будет завтра же просить об этом. Сегодня во время допроса настроение показалось ему не слишком благоприятным, и он не хотел просить, чтобы не испортить дело.

Пока он говорил, старуха смотрела на него острыми, пронизывающими глазами. Ей были знакомы уловки и отговорки неаккуратных должников. Они нив грош не ставят свои обязательства, а когда их прижмешь, делают вид, будто готовы перевернуть небо и землю.

- Зачем же вы заказывали плащ, если вам нечем за него заплатить? спросила она резко.

Узник кивнул в знак того, что он понял ее мысль. Он ответил:

- Я всегда зарабатывал достаточно писанием книг и преподаванием и думал, что буду зарабатывать и дальше. А плащ был мне нужен, я ведь не собирался садиться в тюрьму.- Он сказал это без капли горечи, просто чтобы ответить ей.

Старуха смерила его с ног до головы разгневанным взглядом, но что-то удержало ее от новых выпадов.

Не говоря ни слова, она выбежала из камеры.

- Кто же станет посылать деньги человеку, которого преследует инквизиция? - сердито сказала она мужу вечером, лежа в постели.

А он, не опасаясь больше неприятностей со стороны духовных властей, все же не одобрял настойчивых попыток жены получить деньги.

- У него сейчас другие заботы,- заметил он.

Она ничего не сказала.

Следующие месяцы не внесли ничего нового в это неприятное дело. В начале января стало известно, что Синьория склоняется исполнить желание папы и выдать еретика. И тогда чета Цунто получила новое приглашение в здание священного судилища.

Так как точного времени не было указано, старуха Цунто направилась туда однажды на склоне дня. Она пришла некстати. Узник ожидал прокурора республики, которому Синьория поручила подготовить заключение по вопросу о его выдаче Риму.

Ее принял тот самый важный чиновник, который разрешил ей первое свидание с ноланцем. Старик сказал, что заключенный выразил желание поговорить с ней, но не лучше ли отложить свидание на другое время? Заключенному сейчас предстоит в высшей степени важная беседа.

Она ответила коротко, что об этом лучше спросить его самого.

Один из служителей ушел и вернулся с заключенным. Разговор состоялся в присутствии важного чиновника. Прежде чем ноланец, который уже в "дверях улыбнулся ей, успел что-либо сказать, старуха воскликнула:

- Если вы не собирались садиться в тюрьму, зачем же вы так вели себя?

Одно мгновение маленький человек казался озадаченным. За эти три месяца он отвечал на столько вопросов, что конец его последнего разговора с женой портного едва ли сохранился в его памяти.

- Я не получил денег,- сказал он наконец,- я дважды писал, но не получил денег. Я думал, не возьмете ли вы обратно плащ?

- Так я и знала, что этим кончится,- сказала она презрительно.- Плащ сделан по вашей мерке и будет для другого слишком мал.

Ноланец посмотрел на старую женщину страдальческим взглядом.

- Об этом я не подумал,- сказал он и повернулся к монаху.

- Нельзя ли продать мое имущество и отдать деньги этим людям?

- Это невозможно.- вмешался в разговор чиновник, который его привел, высокий толстяк.- На ваше имущество притязает синьор Мочениго. Вы долго жили на его средства.

- Я жил у него по его приглашению,- ответил ноланец устало.

Старик поднял руку.

- Это к делу не относится. Я полагаю, что плащ нужно вернуть.

- А на что он нам сдался? -упрямо сказала старуха.

Лицо старика слегка покраснело. Он медленно сказал:

- Милая женщина, немного христианской снисходительности вам право бы не помешало. Обвиняемому предстоит разговор, который означает для него жизнь или смерть. Едва ли вы вправе требовать, чтобы он особенно интересовался вашим плащом.

Старуха неуверенно посмотрела на него. Она вдруг вспомнила, где находится. Она уже подумала, не лучше ли ей уйти, как вдруг услышала позади тихий голос заключенного:

- Я считаю, что она вправе этого требовать.- И когда она обернулась к нему, он добавил: - Вы должны меня извинить за все, что случилось. Не думайте, что мне безразличен ваш убыток. Я заявлю об этом в ходе процесса.

Высокий толстяк по знаку старика покинул комнату. Теперь он вернулся и, разводя руками, сказал:

- Плащ вообще не был нам доставлен. Мочениго, должно быть, задержал его.

Было заметно, что ноланец испугался, затем он сказал решительно:

- Это несправедливо. Я буду жаловаться.

Старик покачал головой.

- Подумайте лучше о разговоре, который вам предстоит через несколько минут. Я не могу больше допускать, чтобы здесь препирались из-за каких-то несчастных скудо.

Кровь бросилась старухе в голову.

Пока говорил ноланец, она молчала и, жуя губами, смотрела в угол комнаты. Но теперь она снова потеряла терпение.

- Несчастных скудо! - Крикнула она.- Это наш месячный заработок? Легко вам быть снисходительным. Вы-то ничего не теряете. В эту минуту на пороге показался монах высокого роста.

- Прокурор приехал,- сказал он вполголоса, с удивлением глядя на кричащую старуху.

Толстяк взял ноланца за рукав и увел его из комнаты. Пока заключенный шел к порогу, он все время оглядывался через узкое плечо на женщину. Худое лицо его было очень бледно.

Растерянно спускалась старуха по каменной лестнице. Она не знала, что и думать. В

конце концов этот человек сделал все, что мог.

Она не вошла в мастерскую, когда неделю спустя толстый монах принес им плащ. Но она стояла у двери и слышала, как он сказал:

- Заключенный и в самом деле все последнее время волновался из-за плаща. Дважды между допросами и переговорами, которые вели с ним городские власти, он делал заявление и все добивался беседы с нунцием. И он настоял на своем. Мочениго пришлось отдать плащ. Хотя, по правде сказать, плащ очень бы пригодился теперь самому узнику: вопрос о выдаче решен и еще на этой неделе его повезут в Рим.

И в самом деле, стоял конец января.